УДК 82-1

Л. В. Бусыгина
Научно-исследовательский институт
национального образования
г. Ижевск

Синтаксические средства экспрессивности в поэтическом творчестве Кузебая Герда

В статье рассматриваются особенности употребления экспрессивных синтаксических конструкций в поэтическом творчестве Кузебая Герда. Исследование продолжает предыдущую работу по анализу лексического уровня эмотивности его поэзии. Синтаксическими маркерами эмоций и чувств поэта явились такие стилистические приемы, как риторические фигуры, эллиптические конструкции, обособленные конструкты, парцелляция, транспозиция, графические средства и др. Синтаксические эмотивы складываются в систему бинарных оппозиций «радость – печаль и гнев».

Ключевые слова: поэзия Кузебая Герда, экспрессивность текста, синтаксические маркеры, мировоззрение.

Проблема экспрессивности текста всегда привлекала внимание ученых и до сих пор остается предметом дискуссий и рассматривается исследователями в разных аспектах и на разных уровнях языковой системы: фонологическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом.

Лексический уровень эмотивности поэзии Кузебая Герда рассматривался в статье «Эволюция творческого метода Кузебая Герда через призму эмоций и чувств его поэзии» [Бусыгина 2020]. Был проанализирован частотный рейтинг лексем поэтических текстов Кузебая Герда. Согласно нашим исследованиям, мир его эмоций оказался представленным десятью (из принятых 12) базовыми эмоциями: интерес, радость, удивление, печаль, гнев, отвращение и презрение, страх, стыд и смущение, вина, любовь. В работе мы опирались на классификацию психолога К. Изарда, который выделяет 12 базовых эмоций [Изард 1999: 109].

Семантическое поле эмотивности стихотворений Кузебая Герда включает лексические единицы различных частей речи. Но функциональная нагрузка в большей степени приходится на глаголы (при номинативном характере всего словаря [Бусыгина 2009: 211]). Преобладают глаголы тематических групп «любовь» и «печаль» – по 30 и 26 лексических единиц соответственно (об этом см.: [Бусыгина 2020: 37]). Лексическая манифестация эмотивных смыслов его образного мира, легко складывающаяся в систему бинарных оппозиций: «любовь – неприязнь»,

«радость – печаль» и т. д., а также гибкость, подвижность эмотивных смыслов образной системы Кузебая Герда подтверждают индивидуально-авторскую специфику выражения эмотивных смыслов. Маркеры эмоций и чувств поэта отражают эволюцию его творческого метода, его мировоззрения (см.: [Бусыгина 2020: 40]).

Но «недостаточность одного языкового средства для передачи сложных эмоциональных состояний» (синсематизм) (см.: [Фаткуллина 2003]) требует исследования реализации эмоций на синтаксическом уровне.

Основными грамматическими категориями эмотивного синтаксиса являются обособление (изменение логико-семантических отношений между членами предложения), транспозиция (морфосинтаксическое переосмысление функциональной значимости элементов предложения) и парцелляция (разрушение (расчленение) структуры предложения) [Турбина 1994: 191]. В эмотивных предложениях чаще всего все три данные категории сочетаются, дополняя и уточняя друг друга. Для их выражения в эмотивном синтаксисе развиваются специфические грамматические средства, оформляющие эмотивные фразы и предложения.

Являясь минимальной схемой произведения, особую экспрессию в поэтическом тексте несет заголовок. Одним из эффективных способов придания экспрессивности заголовку являются риторические фигуры. В них аккумулируется множество разных чувств и эмоций: радость, печаль, удивление, растерянность, надежда, страх, любовь и т. д.

Кузебай Герд в качестве названий стихотворений активно использует риторические обращения: «Э, куанер калыке» («О, мой бедный народ»), «Гажан эше!» («Дорогой друг!»), «Ой, крезьёсы» («Ой, вы мои гусли»), «Ой, эше!» («Ой, мой друг!»), «Ӟеч-а, выль удмурт кырӟан!» («Здравствуй, новая удмуртская песня!»), «Эй, пионеръёс!» («Эй, пионеры!»). В большинстве случаев это конструкции с междометиями *э, ой* и *эй*. Междометия и восклицательный знак позволяют репрезентировать эмоциональную составляющую высказывания: в ранних стихотворениях это – чувство сожаления и боль за свой угнетенный народ, в более поздних – радость и надежда на светлое будущее.

Риторические восклицания в заголовках реализуют апеллятивную (воздействующую) функцию, побуждают или призывают к каким-либо действиям: «Эн вера мыным!» («Не говори мне!»), «Эн тышкаське!» («Не ругайте!»), «Визьтэмесь эн шу!» («Не называй глупыми!»), «Султэ!» («Вставайте!»), «Дась лу!» («Будь готов!»), «Сётэ выль кырӟанъёстэс!» («Дайте новые песни!»), «Тон ӝутскы вылэгес!» («Поднимайся ты выше!»). Такие формы поэт использует для усиления драматизма ситуации.

Внимание привлекают названия стихотворений, где обозначены субъект и адресат речи: «Удмуртлыглы» («Удмуртскому краю»), «Удмурт поэтлы» («Удмуртскому поэту»), «Эшелы» («Другу») и т. д. Для этих тек-

стов характерны многократные прямые обращения. Это чаще обращения к друзьям, к народу:

Эн бӧрд, эн бӧрд чик юнме, ***пинал эше,***
Эн кышка котырад пеймытысь, ***юлтоше!***
[Герд 2001: 103].

Не печалься, не плачь, мой юный друг,
Не бойся, друг, темноты вокруг![1]

Э, ***куанер калыке****, э,* ***шудтэм калыке****,*
Тынэсьтыд шудтэмез вань меда кытын ке?
[Герд 2001: 25].

Ой, мой бедный народ, ой, несчастный народ.
Есть ли где несчастливее тебя?

Ой, ***эше****,*	Ой, друг мой,
Юлтоше *–*	Товарищ мой –
Эн тушмона	Не завидуй
Узырлы…	Богатству…

[Герд 2001: 138].

Для придания выразительности понятиям, образам, характерам Герд активно использует абстрактные обращения, усиливающие чувство одиночества: *Ой,* ***крезьёсы, крезьёсы****, / Чебер, шулдыр* ***крезьёсы****…* (О, гусли мои, гусли, / Красивые, веселые гусли…); ***Шуд****! / Кытын-о тон? / Кытчы луид?* (Счастье! / Где ты? / Куда затерялось?); *Эй* ***тон, уйшор тӧл****, / Малы тон ми доры / Милесьтым юатэк лыктïськод?* (Эй ты, северный ветер, / Почему ты к нам / Приходишь, без нашего разрешения?), ***Тон, / Мусо заводэ*** (Ты, / Мой милый завод).

Использование притяжательной формы в обращениях придает стихотворениям характер личного, но в то же время открытого, доверительного разговора с адресатом. Примечательно использование однородного ряда обращений:

Тӥ,	Вы,
Кыӵе ке но узыр но чебер улонэз	Какую-то богатую и красивую жизнь
Кырӟаны дышемъёс,	Привыкшие воспевать,
Нуныяськыса,	В ласке,

[1] Здесь и далее подстрочный перевод наш. – *Л. Б.*

Пэдылъяськыса,	Избалованные,
Шудыса,	В развлечениях,
Зарни юртъёсын будэмъёс, –	Выросшие в золотых домах, –
Тӥ эн тышкаське…	Вы не ругайте…

[Герд 2001: 51].

Таким образом поэт старается дать наиболее полную характеристику адресату. В этих однородных рядах аккумулируется и эмоциональная, и интонационная градация, что придает стихотворению особую динамику.

В поздней лирике Герда характер обращений меняется. Чаще это – обращения к самому себе или к «ты» (*тон*). Именно ты, потому что замечания, изречения лирического героя обращены вовне, характеризуют события, работу людей, отношение к ним:

Тон,	*Ты,*
Мусо заводэ,	*Милый завод,*
Милемын	*С нами*
Ог сюлмын	*Единым сердцем*
Улӥськод,	*Живешь,*
Ог лулын	*Единой душой*
Шокаськод…	*Дышишь…*

[Герд 2001: 164].

Тон	*Ты*
жӧутскы	*поднимайся*
вылэгес!	*выше!*
Тон	*Ты*
гудырты	*греми*
юнгес!	*сильнее!*
Зӧырдам	*Накаленный*
андан	*стальной*
молот!	*молот!*

[Герд 2001: 268].

Обращения здесь использованы не столько в своей основной функции – привлечь внимание к тексту, сколько отражают отношение автора к лирическому адресату. Обращением к «ты» поэт показывает свою близость, расположение к нему, передает свою радость и восхищение от происходящих в стране великих перемен.

То есть обращения в поэтических текстах Герда полифункциональны, они не только называют адресата произведения, но и несут большую эмоциональную нагрузку: передают оценку и отношение автора к геро-

ям, к событиям, служат для усиления выразительности текста, являются средством формирования текстовой структуры.

Иногда заглавия стихотворений Кузебая Герда включают в себя намек на полагаемого читателя, апелляцию в форме вопроса: «Марлы соосыз яратйсько?» («Почему их люблю?»), «Ой, марлы-о?» («Ой, почему?»), «Мар-о со?» («Что это?»), «Мар-о карод?» («Что делать?»), «Комсомолэ, оло, пырид?» («В комсомол что ли вступил?»). Вопросительный знак в названиях стихотворений аккумулирует в себе сомнение, растерянность, особую эмоциональную напряженность.

В ранний период творчества Кузебай Герд активно оперирует вопросительным знаком. Есть целые стихотворения-вопросы:

Тодскоды-а, удмуртъёсы, кин-о мон, тӥ тодскоды-а?
Адями-а, турагай-а, ӵуж сяська-а, Кам шашы-а?
Инмын жуась кизили-а, тӧлпери-а, куректон-а?
Ву тулкым-а, чебер вӧт-а, бубыли-а, шумпотон-а?

[Герд 2001: 82].

Знаете ли вы, удмурты, кто я?
Человек ли, жаворонок ли, желтый цветок ли, осока ли?
Звезда ли, горящая на небе, ураган ли, страдание ли?
Волна ли, красивый ли сон, бабочка ли, радость ли?

Но вопросы в тексте не реализуют вопросительной функции в полной мере, они являются способом создания образа лирического героя. Они соотносимы с риторическим вопросом, которому характерен глубокий подтекст.

Еще одним средством синтаксической экспрессивности в заголовках становится умолчание. Оно характеризуется внезапным обрывом повествования, недосказанностью, что побуждает читателя к сотворчеству: он должен додумывать конец или же найти продолжение в самом тексте: «Ой, тырос» («Ой, много»), «Чик юнме быро» («Зря погибают»), «Уг лэзьы» («Не разрешает»), «Огнам ветлӥ» («Один ходил»), «Кошком» («Уйдем»), «Кышкатэк, юн оскыса» («Бесстрашно, твердо веря»), «Пыддэс, юлтошъёс» («Ногу, друзья»), «Юн-юн пыддэс лёгыса» («Твердой поступью»), «Ужаны!» («Работать!»), «Вуоз» («Придет»), «Вылэ» («Вверх»), «Батырлэн кадь кужмы луысал ке…» («Если бы сила была богатырская…»), «Мед луоз вал…» («Пусть бы был…»), «Мон кӧня пол каргай ини…» («Сколько раз я уже проклинал…»), «Мон луысал ке…» («Если бы я был…»), «Вань вал милям…» («Был у нас…»), «Нош тон, сюлмы?» («А ты, сердце мое?»). Часто такие названия оформлены многоточием. В эмоциональных паузах появляется подтекст – предоставлен-

ный читателю шанс стать сотворцом. Читатель должен развить мысль, увидеть то, что написано между строк. Конечно, эмотивное наполнение многоточий выявляется из контекста, но оно позволяет передать чувства, которые слова не всегда могут выразить. В заголовках Герда – это недосказанность, неуверенность, недоверие, сожаление. Но умолчание способно подчеркнуть многозначность, углубить смысл высказывания: «Мон луысал ке…» («Если бы я был…»), «Батырлэн кадь кужмы луысал ке…» («Если бы сила была богатырская…»). В данных названиях недосказанность сопрягается с чувством ожидания. Сослагательное наклонение глагола *луыны* (быть) – *луысал ке* (был бы), – организует семантику условности, дает простор для читательской интерпретации.

Довольно часто в заголовках Кузебая Герда встречаются эллиптические конструкции, представляющие собой предложения без глагольного сказуемого: «Мон – удмурт» («Я – удмурт»), «Асьмеос – вынъёс» («Мы с вами – братья»), «Жадьытэк – жугиськон» («Без устали – борьба»), «Туннэ – ӵуказе» («Сегодня – завтра»), «Мон – парсь» («Я – свинья»); «Ми – гыриськом» («Мы – пашем»), «Ожлы – дась лу!» («К борьбе – будь готов!»), «Мон – кизисько гинэ!..» («Я – только сею!..»). В таких заголовках роль тире также выходит за пределы традиционной пунктуации, передавая оттенки эмотивности языка. Тире в заголовках стихотворений Герда подчеркивает решительность, смелость, настойчивость. Иногда пропуск вербальной единицы предложения может передавать ситуацию неожиданности, например, «Мон – парсь» («Я – свинья»). Такие названия своей краткостью, лапидарностью, незавершенностью больше привлекают читательское внимание.

Примечательно, что в названиях стихотворений Герда встречается инверсия: «Вуоз нунал!» («Настанет день!»), «Вань вал милям…» («Было у нас»), «Някыръяське тӧдьы льӧмпу сяськаед» («Нагибается белый цвет черемухи»). Поэт обращается к инверсии для придания названиям большей яркости и ощутимости.

Более того, в последнем названии эмотивную функцию расширяет выделительная, усилительная функция притяжательного суффикса *-ед* в слове *сяськаед* (твой цветок). Здесь слово *сяськаед* не несет значения притяжательности, но имеет место быть ***транспозиция***, перенос языковой формы. На основе инверсии, повторов и использования одной языковой формы в функции другой формы создано все стихотворение:

Някыръяське тӧдьы льӧмпу ***сяськаед****,*
Каньылля ӟечыра бадьпу ***куаред****,*
Някыръяське, някыръяське зыбка ***сюрыед****,*
Кӧкыын ӟечыра чебер нуныед.

[Герд 2001: 16].

Нагибается белый цвет черемухи,
Тихонечко качаются листья ивы,
Нагибается, нагибается шест колыбели,
В колыбели качается красивое твое дитя.

Подобные явления транспозиции у Герда встречаются не так часто, но поэт использует их при выражении особого отношения к чему-либо.

Инверсию и повторы Герд использует и в тексте для выделения признаков особой значимости, для внесения дополнительной предикации, например:

Нюлэсэз корало… Корало туж пинал, туж чебер нюлэсэз. (Рубят лес… Рубят очень молодой, очень красивый лес).

Через образ зеленого леса, через идею о том, что в умирании дерева – начало жизни леса, поэт передает мысль о бесконечности творческого процесса, о бессмертии того наивысшего, надматериального – духовного начала. Поэтические фигуры позволяют управлять вниманием читателя, направляя его на ключевые моменты текста, управлять восприятием сюжета или идеи.

Высокой эмотивностью в поэзии Герда обладают обособленные конструкты, такие, например, как деепричастные обороты в роли уточняющего обстоятельства:

Ӝытазе,
Шунды пуксьыку,
Ӵыж-ӵыж пилемъёс сяськаяськыку…
[Герд 2001: 31].

Вечером,
Когда солнце садится,
Когда красным-красно зацветают облака…

Или обособленные причастные обороты, выполняющие синтаксическую роль обособленного определения, например:

Тон – тыл,	Ты – огонь,
Та урод улонэз,	Эту плохую жизнь,
Пеймыт дуннеез	Темный мир
Сутыса быдтӥсь тыл!	Сжигающий огонь!

[Герд 2001: 119].

Гажан эше, зарни эше,	Дорогой друг, золотой друг!
Тырос ужаса жадем эше!	Уставший от работы друг!

[Герд 2001:64].

Обособление связано с усилением смыслового и эмоционального содержания предикатов. Они воздействуют на воображение читателя и способствуют формированию новых смыслов и ярких образов.

Обособление порой сопровождается полной или частичной парцелляцией, например:

Урыс. Кортнэт. Сермет.	Плетка. Удила. Узда.
Ожмем бусы. Керемет...	Запущенное поле. Керемет…

[Герд 2001: 216].

Здесь назывными предложениями поэт создает картину прошлой жизни удмуртов.

Прием расчленения фразы на отдельные слова автор использует и при изображении новой жизни:

Дась-а	Готова
усы?	борона?
Машина?	Машина?
Плуг?	Плуг?
Геры?	Соха?

[Герд 2001: 341].

Парцеллируемые слова обычно отделяются друг от друга точками и восклицательными знаками. Герд использует и вопросительный знак при соблюдении всех остальных синтаксических и грамматических правил, а также активно применяет и многоточие:

1924-тӥ ар...	1924 год…
21-тӥ нунал,	21-й день,
январь...	январь…
Нош ик	Снова
Муско...	Москва…
Толалтэ...	Зима…

[Герд 2001: 274].

Эмоциональные паузы, отмеченные многоточием, играют в тексте важную смысловую роль. Парцелляция используется для передачи ощущения времени. Его течение как бы замедляется, фиксируется по частям, оно словно разрывается на отдельные промежутки. В многоточиях, возможно, – недосказанность, неуверенность, недоверие? Или просто предоставленный читателю шанс стать сотворцом? Графическая разбивка напоминает «прием чередования «немого» ряда зрительных образов и кинотитров» (см.: [Смирнов 1977: 112]).

Новый взгляд поэта на действительность определяет и новаторские подходы в творчестве, что отразилось в стремлении к изысканной форме, к графическому рисунку стиха («Керемет», «Аэроплан», «Мон – парсь» («Я – свинья») и др.), к графической разбивке строк («Бригадир кырӟан» («Песня бригадира»), «Удмурт кыл» («Удмуртский язык») и др.), в чем проявилось влияние творчества русских поэтов В. Брюсова и В. Маяковского.

Оппозиционная картина мира Кузебая Герда нашла отражение в такой риторической фигуре, как хиазм. Противостояние разделенного мира, оппозиция родное / чужое идет по диагонали, образуя хиазм:

Та сьӧд-сьӧд шимес нуналъёсы,	В эти черные-черные устрашающие дни,
Та шимес сьӧд-сьӧд нуналъёсы –	В эти устрашающие черные-черные дни –
Пинал пиос шур сьӧрын юмшало,	Молодые парни за рекой гуляют,
Шур сьӧрын лекрутъёс кырӟало. [Герд 2001: 48].	За рекой рекруты поют.

– сьӧд-сьӧд шимес – – – –	– черные-черные устрашающие – – – –
– шимес сьӧд-сьӧд – – – –	– устрашающие черные-черные– – – –
– – – – шур сьӧрын – – –	– – – – за рекой – – –
шур сьӧрын – – – – – –	за рекой – – – – – –

Посредством крестообразного изменения последовательности элементов в двух параллельных рядах слов автор передает разрушенную гармонию деревенской жизни, усиливает эмоциональное восприятие картин крушения привычного мира.

Таким образом, Кузебай Герд, используя экспрессивные возможности пунктуации, создает свой особый художественный мир, в котором наиболее эмоционально окрашенными явились восклицательный и вопросительный знаки, запятая, тире и многоточие. Пунктуация, не выражая каких-либо эмоций, участвует в передаче сложных эмоциональных состояний.

Поэтический синтаксис, организующий фигуры поэтической речи, содействует возрастанию эмоциональности и образной выразительности высказывания. Необычные, нестандартные, характерные только Кузебаю Герду соединения слов, придают его поэтическим произведениям особое своеобразие, «большую силу эмоционального стимулирования, повышают эффектность и доступность текста» [Биджелова 2017: 133]. Синтаксические маркеры эмоций и чувств поэта, как и лексические, отражают эволюцию его мировоззрения. Эмотивный синтаксис складывается в систему бинарных оппозиций «печаль и гнев – радость».

Источники

Герд К. Люкам сочинениос: куать томен. 1-тй т.: Кылбуръёс, поэмаос. Ижевск: Удмуртия, 2001. 352 б.

Литература

Биджелова Б. А. Инверсия как отражение особенностей индивидуального стиля автора (на материале стихотворных произведений Ф. Г. Клопштока и И. В. Гете и их переводов на русский и осетинский языки) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 1. С. 133–136.

Бусыгина Л. В. «Временем помечен, Поэт и Человек…»: размышления о слове и эпохе Кузебая Герда. Ижевск: Удм. ун-т, 2009. 248 с.

Бусыгина Л. В. Эволюция творческого метода Кузебая Герда через призму эмоций и чувств его поэзии // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 1. С. 34–42.

Изард К. Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 1999. 464 с.

Смирнов И. П. Художественный смысл и эволюция поэтических систем. М.: Наука, 1977. 204 с.

Турбина О. А. Формирование французского классического предложения: системный и структурный аспекты. Челябинск, 1994. 269 с.

Фаткуллина Ф. Г. Понятие деструкции в лексической семантике. Уфа: РИЦ БГУ, 2003. 268 с.